

Зиновий САГАЛОВ

г. Аугсбург, Германия

рассказ

Кто предложил, не помню, — изгладилось, выветрилось из памяти. Да и какая разница? Всем сразу пришлось по кайфу — консенсус в квартире был полнейший. Муська рыжая отхватила себе глагол — попробуй не дай! «Божественный глагол!» — сказал поэт. Самое лучшее. Карболкин, полковник в отставке, забрал прилагательные. Числительные никто не хотел брать — обойдемся, мол, без них. Долго базар вели по существительным: желающих было много, но дали Арону Копеловичу, чтоб не скулил, что еврейскую национальность опять гнобят. Райка выпросила местоимения. А Игорь — он тоже к нам подключился, без работы ведь, делать нечего, дома кантуется, — получил наречие. Я лично, чтоб думать меньше, не напрягаться, оставил себе междометия.

Но обязали писарем быть. Такое вот распределение было.

В первый день, когда сошлись на общей кухне, получилось так.

— Начнем! — сказала рыжая Муська. — Третья не дам. Дальше все по регламенту.

Долго и вдумчиво все мы, собравшиеся, молчали. Кто губами шевельнет беззвучно, кто от нервов ногой дрыгнет, кто очки снимет, а кто, наоборот, наденет. Друг на друга глядим украдкой и глазки отводим, будто в уборной встретились за неприличным занятием.

Каждый боится муть ляпнуть и долболобом прослыть. А время идет в томлении и тишине. Слышно даже, как зеленые мухи бессовестно по кухне барражируют, выпучив свои фасеточные глазки на небывалую в нашей кухне молчанку.

Вдруг Игорь кашлянул. Все на него — ну, начинай, мол, ты же самый юный, тебе и лажануться извинительно по молодости лет. А Игорек и вправду рот раскрыл, еще разок перхнул и произнес:

— Вчера...

Точно сказал, как обусловлено было, — он ведь ответственный за наречие! И от этого простого слова — не вру! — легко нам и свободно стало. Оживились мы все, задышали, заерзали на табуретках, заулыбались друг другу. А потому что умное слово придумал, живое, как родничок, — из него любая история истечь может. И записал я его в тетрадочку, слово это, с превеликим удовольствием: «Вчера».

Опять помолчали мы, но уже совсем капельку, разминаясь мыслями.

— Студент Шишечкин, — вдруг пальнул мудряга Копелович, победно оглядывая всех нас.

Мы закивали одобрительно: в точку! Два слова, но ведь существительные оба. И уже герой обозначен. Студент. И фамилия улыбочивая, нестандартная. Записал я и чувствую: завязывается история. Так, наверное, и настоящие писатели пишут: словцо к словцу цепляют и получается огромный романище.

Полковник Карболкин, убив злобную муху на щеке, поднял руку — просил слова. Дисциплинка у старика — порядок в танковых частях! Муська как председательша милостиво потрянула рыжими лохмами: давай, мол, ждем.

— Молодой, высокий, широкоплечий, — браво выпихнул из усатого рта целых три прилагательных отставной полковник. — Через запятые — не забудь! — бросил он писарю, то есть мне.

Глаза его светились радостно. А мы сразу мозгами завяли. Молодой — ладно. Высокий — ну, допустим. А насчет плеч — перебор, таким в армии место, на правом гвардейском фланге, нетипично для студента.

Но перечиться не стали — каждый своей частью речи располагает как полный ее хозяин, чего мелочиться?

Муська тут же вперед двинула, выводя фра-

зу на смысловую дорожку. Брякнула глаголом и прожгла наши сердца неожиданным словесным сюрпризом:

— Подскочил...

Ну и выдала лахудра! Уставились мы гневными глазами сперва на нее, потом в пол — от смятения в душе. Ну что она этим «подскочилом» имела в виду? Думаем, башку себе раскальваем. Каждую ерунду на облезлых досках старательно выискиваем. Где тараканчик дохлый, скрючив лапки, на спинке лежит. Где штукатурка сыпанулась. Думаем вроде бы. А что сказать дальше — никто не знает. Творческий тупик, сбой программы. Чего этому молодому, высокому, широкоплечему подсказывать?

«Постойте, — мыслю я, — может, он баскетболист? В спартаковской красной майке, с перебинтованным коленом. Тогда и этот «подскочил» подходит. А чтобы мяч в корзину зашвырнуть!» Здорово придумал я, логично: нашел этому Шишечкину достойное дело. А вот сказать не могу: междометиями что опишешь? Минута проходит, другая.

Старик Копелович, еврейская голова, черепушка лысая, вдруг брякает:

— На кровати...

Получается вроде по логике складно: подскочить на кровати можно. Записал я Арончиково словцо, но с мучительным авторским сожалением. Ведь сгинул мой спартаковский баскетболист, прыгнул в уме, да так и не дотянулся до корзины. Уложил его Арончик в постель. Ну что ж, его право. Постель так постель. Может, с девкой лежит наш Шишечкин? Стал я дальше развивать мысль. Зимнюю сессию спихнул, куча времени. Чем же еще заниматься молодому и широкоплечему? Отлично, братцы!

Поставил я после «на кровати» точку и вздохнул облегченно: уф! Одолели первую фразу! Лихо закручивается: с первых слов — любовь, как классики нас приучали в школьные годы: «Все смешалось в доме Облонских». Помните? Только дальше как? Почему «подскочил» на кровати студент Шишечкин? От удовольствия любви? Но, насколько помнится из молодых незабвенных лет, мужик после этого дела в бессилии откидывается на

подушки, а не подскакивает, как петух. Это — отступление от реализма. Можно, правда, предположить, что подскочил он, не прерывая текущего момента, а чтобы сменить позицию? Нет, стоп, это уже «Камасутра». А мы обусловились: без порнухи. Забрать девку, не место ей у нашего Шишечкина. Отвлекает, сучка, от учебы. Предположим, что он всю ночь зубарил, скажем, термодинамику, «хвост» у него, и лег на рассвете. В постели лежит, накрывшись с головой одеялом. Рисую себе в мозгу картину и радуюсь. Придумал я здорово, но как же это выразить междометиями?

И тут меня осенило. Разразился на всю кухню звукоподражательной частью речи:

— Дзынь-дзынь-дзынь...

Повеселел народ. Понял, что увел я студента от ночного разврата, разбудил, чтобы в институт бежал. Порадовался я, что выбрал междометие. «Дзынь» — и фраза закруглилась. Надо третью начинать.

Райка, сделав очередную петлю, положила на колени сиреневое свое вязанье и произнесла нежно:

— Он...

Все верно, местоимение заменило молодого, высокого, широкоплечего студента Шишечкина двумя буквами. Научились мы владеть словом! Краткость — сестра таланта! Пошли дальше, ребята!

— Нажал... — догадалась рыжая Муська, памятуя о звенящем до сих пор будильнике.

— Кнопку будильника... — незамедлительно подхватил Арончик.

— И быстро... — уместно вставил наречие Игорь.

Тут Муська разошлась, показала всю силу глагольного слова:

— Умылся, побрился, оделся и выскочил...

— На улицу, — добавил существительное Арончик и тем благополучно закончил третью фразу.

От напряжения устали мы, решили передых сделать. Полковник Карболкин принес полбанки деревенского самогоя, Райка — котлет, Игорь пару соленых огурчиков. Выпили за первую фразу, потом бахнули за вторую, за

третью. Писательское дело — оно требует подзарядки. Очень нам понравился этот студент Шишечкин, которого мы произвели на свет божий.

— Зима, мороз лютует, — вздохнула сердобольная Райка. — А мы его на улицу погнали.

И мы тяпнули еще по маленькой, за студента, чтобы он согрелся.

— А что ж ему, молодому, задницу дома чухать? — вразумительно сказал полковник.

— Ему гранит грызть надо, — с надеждой сказал Арон Копелович. — Научный, я имею в виду. Мой Левка, вы же все помните Левку, академиком мог стать, скажете нет? Так они его в аспирантуру не приняли, на стройку коммунизма прорабом отправили. А у Шишечкина с пятой графой полный ажур. В первом томе кандидатскую защитит, во втором — докторскую.

— А сколько у нас томов будет? — уныло спросил Игорь. — Меня ж на работу взять могут.

— Томов, думаю, десяток, не меньше, — сказала Муська. — Вон как хорошо началось. А жизнь у Шишечкина большая будет и интересная, как сто сериалов.

— Если учиться не пожелает, я его в армию отправлю, — сказал полковник Карболкин. — Контрактником в горячую точку!

— Ты отправишь! Хозяин нашелся! — вскипела Муська. — Как все решим коллегиально, так оно и будет.

— Не надо в армию, он способный, наше дело — помочь ему, — чувствительно зашептала Райка. — Я его уже, знаете, люблю, Шишечкина нашего! Как одинокая на всем свете женщина я вот только что решила: кофту распушу, нафига мне она, лучше свитер свяжу. Ему. Теплый, под горло. Ты, Муська, когда глаголами своими шарахала — «умылся», мол, «побрился», «оделся» — а во что оделся? На улице минус восемнадцать, между прочим. Голову наотрез — у него свитера нет. Выперли бедную Шишечку нашу на лютый мороз.

— Это Арончик зевнул. Чтобы одеть, существительные нужны, — отбивалась Муська. — Ты, подруга, пробовала одними глаголами одеться? То-то.

Копелович признал свою промашку.

— Дубленку ему дам, пожалуйста, — заторопился он. — Шарф мохеровый вокруг горла, «жириновочка» с козырьком на голове. Чем плохо? А ты допиши, прошу, — обратился он ко мне. — Шишечкин еще из подъезда не вышел.

— Он зубы, между прочим, не почистил, — сказал Игорь, укоризненно глядя на Муську. — А идет в институт. Тоже Муся Зеликовна упустила. — Игорь слыл в квартире аккуратистом по части мелочей туалета и этикета. Это было наглядно видно по его выхоленной, как ангорская кошка, бородке.

— Я сказала «умылся», — убийственным голосом, не допуская возражений, отрезала Муська. — Значит, и зубы его туда вошли — в мытье. Ладно, кончаем базар. Строгаем четвертую фразочку. Фейхтвангер — такой писатель был, может, слышали, про безобразных герцогинь писал — в день по тридцать страниц надиктовывал. Один — и по тридцать страниц. А у нас — позор! — целая бригада. За полтора часа — три фразы!

Права Муська — ничего не скажешь. Взались — значит, вкалывать надо. Тем более сериал по телику скоро — разбежимся по комнатам.

Кто же начнет? А? Повертели мы шеями и в задумчивости остановились на Игоре. Снова на нем. Опыт есть, выкатывай, мол, наречие, мужик, и пойдем по четвертой фразе.

Игорек прикрыл самодвольные глаза веками, провел ласковой ладошкой по шелковой ангорской бородке и выпустил на свет наречие, короткое и внезапное, как выстрел.

— Вдруг... — сказал он и обвел всех победным взглядом.

Все приготовились, раскатали мозги. После такого внезапного слова что-то не совсем обычное должно случиться. Начали думать.

И в это самое время раздался звонок. Мы переглянулись, написав на своих отвлеченных от житейской суеты лицах досадливое недоумение.

— Катька это, с третьего этажа, — вздохнула Раиса, успевшая уже размотать половину кофты на нитки. — Ну надо же, именно сейчас приспичило!

— За луковицей, — насмешливо сказал Арончик. — Или алкоголь учуяла.

— Не открывать! — гаркнул полковник Карболкин. — У нас — творчество.

В дверь позвонили еще раз, потом с настойчивостью — еще и еще.

— Похоже, что милиция, — сказал Игорь. — Надо бы открыть, Муся Зеликовна. Могут пришить сопротивление властям.

— Никаких условий для творческих людей, — возмутилась от всей души Муська. — Кошмар! Что ж нам, в Переделкино бежать?!

Арончик, сидевший ближе всех к входной двери, испросил глазами позволения открыть и двинулся в прихожую. А через минуту в дверях кухни стоял, отряхивая снег с меховых отворотов дубленки, рослый плечистый парень, улыбаясь красными от морозной стужи щеками. Мы обомлели.

— Во-первых, разрешите представиться, — сказал он и стянул с головы «шапку-жириновку», — ибо вы меня не знаете и, по правилам хорошего тона...

— Знаем! Знаем! — завопили мы дружно, как на стадионе, когда гол забьют, и втащили удивленного парня в кухню.

— Может ли мать не знать свое чадо? — загадочно закатали глаза бездетная по жизни Муська.

— Ты — Шишечкин, студент. Благодаря мне ты явился на свет, — гордо повел хилыми плечами Арон Копелович.

Гость перевел глаза с Муськи на Копеловича, улыбнулся им мягко и сказал:

— Простите, товарищи, тут какая-то путаница. У меня и папа, и мама... В Астрахани живут. А вас я вижу, извините, в первый раз...

— Садись, парень, садись. Потолкуем! — скомандовал полковник Карболкин.

Игорь тут же подставил табуретку, усадил гостя.

— Фамилия твоя Шишечкин? — продолжал допрос полковник.

— Ну, Шишечкин.

— Без всяких «ну». Я в разведуправлении танковой армии служил. Отвечай по форме. Понял?

— Понял.

— Ты студент?

— Как вам сказать... Вообще-то, я учусь, на третьем курсе. Но подрабатываю в риелторской конторе. Позвольте мне объяснить цель моего прихода.

— А как же с аспирантурой? — заглянул ему в глаза Арончик. — Мой Левка ввиду пятой графы тоже за «бабками» погнался, и — пшик! А голова была как палата мер и весов.

— Мы на вас возлагаем такие горячие надежды, — изогнув томные брови, произнесла Раиса. — Вы уж нас не подведите.

— Гранит грызть будешь, — зашептал ему на ухо Копелович, — академиком станешь. Мы тебя на Нобелевскую выведем. Вот увидишь.

— Но не раньше десятого тома, — строго оговорила Муська. — Путь в науку тернистый, нобелевку надо заслужить.

Студент Шишечкин обвел внимательным взглядом всех нас, потом покосился на стол с опорожненной поллитровкой и закусоном. И сказал, понимающе улыбнувшись:

— Я, может, не вовремя, товарищи. У вас, вижу, какое-то торжество сегодня.

— Да, — сказала Муська с гордостью, — празднуем день зачатия.

Шишечкин сделал вид, что улыбнулся:

— Не буду мешать, товарищи, найду в другой раз.

И он рывнулся, чтобы встать.

— Сидеть! — рявкнул полковник Карболкин и положил властную руку на плечо студента. — Отвечай: зачем пришел? Кто послал?

— Да я... Послушайте, я ведь и хотел с этого начать, — сказал Шишечкин и поспешно, обрадовавшись, открыл замки коричневого кейса. — Риелтор я, фирма «Альфа и омега». Слышали? Нет? Ну, не важно. У меня для вас чудесное предложение... Можно мне столиком воспользоваться? Спасибо, я с краешку. Вы даже не представляете, как сейчас обрадуетесь. Наша фирма послала меня, чтобы всех вас осчастливить. Да-да! Сейчас, сейчас, мои дорогие, я все вам объясню...

Он захлебывался в словесном потоке, перебирая бумаги и выкладывая их на клеенку стола, а мы, окружив его, смотрели только в кейс, пытаясь увидеть там обандероленные,

как в кино, купюры зеленых бумажек, которые должны принести нам счастье. Но там их не было.

— Вот вы, Муся Зеликовна, — продолжал между тем Шишечкин, — живете в комнате на одиннадцати квадратных метрах. Так?

— Ну, допустим, — сурово набычилась Муська. — Кому какое дело, сколько метров?! Это моя личная жизнь. И откуда вам известно, между прочим, как меня зовут? Мы с вами на пляже рядышком лежали или на Кавказских минеральных водах нарзанные ванны принимали?

Мы грохнули: вот отмочила! Но Шишечкин не растерялся:

— А у нас на всех жильцов данные. И план всей вашей квартиры № 15 тоже имеется.

Он развернул чертежную синьку и ткнул пальцем в какой-то квадрат.

— Здесь товарищ Копелович проживает, четырнадцать с половиной метров. А эту комнату занимает полковник Карболкин... Синицына Раиса Федоровна — вот, угловая комната с маленьким окошком...

— Хватит, — сказал полковник. — Вы вторглись в нашу квартиру и нарушили закон о неприкосновенности жилища. Я звоню в полицию.

— Погодите, — сказала сердобольная Рая. — Мы ведь не дали ему договорить.

— Ну да. Где, в чем наше счастье? — спросил Игорь, огорченный тем, что кейс закрылся. — Покажите его.

— Охотно! — воскликнул Шишечкин и взял со стола лист бумаги. — Вот ваше счастье, Игорь Анатольевич. Подпишите бланк заявления и получите изолированную квартиру с балконом на проспекте имени Николая Щорса.

— Я?

— Да. Именно вы и каждый из жильцов вашей квартиры.

— Не верю! — воскликнула Райка надрынным голосом режиссера Станиславского. — И с балконом?

— Да, Раиса Федоровна, именно с балконом, вы, например, на Каштановой, 13.

— Дорогой мой... Да я всю жизнь мечтала...

Чтоб отдельно жить... — прослезилась Райка. — Разрешите с вас мерку снять. Я вам свитер теплый свяжу.

— Я зайду к вам завтра, возьму подписанные заявления. И тогда обмерите меня. Договорились?

Шишечкин встал, надел «жириновочку», стал прощаться с нами — с каждым за ручку.

— А кто здесь проживать будет? — поинтересовался полковник Карболкин.

— Никто. Салон здесь будет дамского белья. Центр, первый этаж, парковка отличная, удобно. И дамскому белью, и вам. Все в выгоде. Рад, товарищи, что мы нашли с вами общий язык. До завтра! Пока!

И сквозанул этот Шишечкин так же вдруг, как появился.

А у нас тут как началось! Игорек две бутылки по ноль семь приволок из гастронома, консервов, куру загриленную. За сбывшуюся мечту пили, за каждую одинарочку с балконом и совмещенным санузлом, за салон исподнего дамского белья, за благодетельную фирму «Альфа и омега» и, конечно, за нашего дорогого Шишечкина, которого мы породили, отдав ему самое лучшее, что было во всех нас. Арончик — мудрую еврейскую голову. Полковник Карболкин — армейскую выдержку и дисциплину. Муська — языкастость свою и способность выкручиваться из ситуаций. От Игоря, аккуратиста нашего, перешла к Шишечкину, как мы это подметили, забота о своем внешнем облике, умение обходительно вести деловую беседу. Раиса передала Шишечке свою нежность (не считая обещанного вязаного свитера из теплой овечьей шерсти).

Когда все восхищенные слова были торжественно озвучены, а питья, само собой, уже не оставалось, разобрали мы заявочные бланки, стали вертеть их во все стороны в своих непослушных, как у пьяного человека, руках. И отметили с большим удовлетворением, что все графы каллиграфически заполнены, а нам только паспортные данные осталось проставить и подписью собственноручно скрепить. Молодчага Шишечкин! Деловой мужик! Мы старательно слили из трех порожних бутылок остатки (каждому нацедилось на

посошок) и отметили доброту сердца нашего новоявленного коллективного сыночка, позаботившегося о своих как бы настоящих родителях.

— Каштановая улица в зелени утопает, я знаю, там у меня подруга живет, — с мечтой в глазах сказала Райка. — Буду на балконе вязать, на свежем воздухе.

— На Щорса «семерка» ходит или «шестнадцатый»? — спросил Игорек, но ему никто не ответил, каждый занимался своим новым местожительством.

Арон Копелович и Муська оказались соседями — обоим выделялись квартиры на бульваре Мичурина, только в разных домах.

— Ура! — воскликнула Муська. — Каждый день друг к другу — чай гонять. Правда, Арончик?

— И не только чай, — загадочно произнес Копелович, блеснув лысиной.

— В гетто будете жить, по благу, — буркнул совсем без антисемитского душка Карболкин. — А мне с Третьей Песчаной как до вас добираться? Автобусом — два часа, не меньше.

— А вы «газелью», — сказал Игорь, — маршруткой в смысле.

— Кувыркаться они любят, «газели» эти. Я в танке под огнем шел — ни один мускул не дрогнул. А «газелей» этих, честно скажу, остерегаюсь — ну их! Из-за ваших чаев богу душу отдашь.

Полковник встал и прошелся по кухне возмущенным строевым шагом. Вдруг челюсть у него отвисла, глаза ошарашенно выкатились. В чем дело, думаем. А Карболкин громовым голосом:

— А кто скажет мне, господа хорошие, что с творчеством нашим теперь будет? А?

Мы обомлели.

— Конец, значит, хенде хох? — презрительно сощурился, добивал нас полковник.

— А ведь десять томов задумали... — произнесла Муська. — Теперь что же — псу под хвост?

— Какого черта его сюда принесло? — сказал Копелович.

— Кого? — спросил Игорь, хоть всем было ясно, что речь шла о Шишечкине.

— Неприятный тип, барыга, — сказал Арончик. — Ему — в институт, а он заявился к нам «бабки» заколачивать.

— Поссорить нас пришел, — сказала Муська. — Мерзавец.

— Нос у него какой-то длинноватый, — задумчиво произнес полковник Карболкин. — Пусть наши евреи не обижаются, но... довериться ему нельзя. Неискренний, лживый, скользкий какой-то. Хоть мы его сами и сотворили, но... Уж я людей насквозь вижу. Никакой пощады!

И при этих словах полковник разорвал свое заявление и бросил клочки на стол.

— Вы знаете, — сказал Арон Копелович, — я тоже потерял к нему всякий человеческий и писательский интерес. Прощелыга, мошенник. Какой он, извините, нобелевский лауреат! Присоединяюсь к вам, товарищ полковник. Как еврей и гражданин.

Через минуту груды бумажных обрывков лежала на мокрой клеенке.

— Зачем же я кофту распустила? — сказала в тишине Райка.

— А ведь он завтра придет, — сказал Игорь. — И что мы ему скажем? А?

И тут еврейская лысая голова, наш Арончик, сказал мне:

— Вырви страничку. Даю существительные. Студентка Вероника Ершова...

— Молодая, красивая, стройная... — добавил ответственный за прилагательные полковник Карболкин.

И мы понеслись, наверстывая упущенное время. До мексиканского сериала оставалось еще сорок пять минут.

□

Зиновий Владимирович САГАЛОВ

родился в г. Тбилиси в 1930 г.

Окончил факультет журналистики Харьковского госуниверситета.

Работал в редакциях газет, издательствах,

на телевидении, в литчастии театра.

Автор 16 книг прозы, поэзии и драматургии,

15 пьес, поставленных и идущих

в театрах России, Украины, Германии и Израиля.

Член Союза писателей России.

Живет в г. Аугсбурге (Германия).

В журнале «Север» публикуется впервые.

